

ЩЕДРОСТЬ

СИЯЮТ неоновые огни Парижа. Огромные афиши аршинными буквами сообщают — выступают советские артисты: Евгений Мирошниченко, Муслим Магомаев, Батыр Закиров, ансамбль «Рэро», солист Большого театра Шамиль Егудин. Газеты шумят: «Советский Союз прислал в Париж артистов разных национальностей». Тон всех газет подчеркнут вежливый — после поездки в Советский Союз президента де Голля считается плохим тоном ругать русских.

Она стоит у окна отеля — как непривычно видеть свое имя на иностранных афишах. Здесь она второй раз, и все-таки никак не может привыкнуть.

Вечером надо петь в театре «Олимпия», на его сцене выступили многие мировые знаменитости. Она перебирает письма с родины. Как далекие огоньки — они согревают, поддерживают. Друзья пишут: после Парижа начнется украинская декада в Казахстане, она включена в делегацию. Тревожно на душе, совсем незнакомые места, новые зрители.

Входят корреспонденты: возможно, мадам Мирошниченко скажет несколько слов для наших газет?

Ну, что им сказать? Разве можно выразить словами, как она тоскует по Киеву, как ей хочется домой. Да, ваша страна прекрасна, но родина...

Они терпеливо ждут. Щелкают затворы фотоаппаратов.

— Я считаю, что лучшими дипломатами являются артисты. Они открывают людям сердце и душу своего народа.

Один из корреспондентов почти на чисто русском языке задает вопрос:

— Евгения Семеновна, мы знаем, что вы родились в бедной рабочей семье, — выдержав паузу, он смотрит на нее и продолжает, вежливо кланяясь в сторону своих коллег, — но многие из них были в Киеве и Москве — видели вас на сцене, они утверждают, что так играть аристократок может только аристократка. Умение носить костюм, умение держаться воспитывается в людях с детства.

— Я актриса. Было бы хуже, если бы ваши коллеги увидели иное. Этим сказано все. Они понимают и покидают номер. Сколько раз ей приходилось рассказывать свою биографию, и многие не верили. В Италии, где она полгода проходила стажировку, часто беседовала в театре с осветителями сцены, они верили всему, о чем она говорила. Но когда упомянула, что имеет профессию слесаря-сборщика электроаппаратуры, они переглянулись. Задетая недоверием, она подошла к аппарату включения, мигом разобрала и собрала его. Теперь улыбалась она. Мастер пожал ей руку и проникновенно произнес:

— У синьоры не только золотой голос, но и золотые руки. И, повернувшись к своему сыну Джузеппе, закричал:

— Синьора поет в лучших театрах мира, а умеет разбирать мотор. А ты, не научившись запачкать руки, уже поешь?

Джузеппе догоняет ее на лестнице — просит автограф и сбивчиво объясняет: пусть синьорина не верит словам отца, Джузеппе настоящий рабочий, но не петь он не может, это выше его сил. Но где брать деньги на учебу — вам, наверное, было легче, синьора.

Да, ей было легче. Петь в художественной самодеятельности она начала еще в ремесленном

училище. После Всесоюзного смотра в 1950 году она попадает в Киевскую консерваторию к требовательному педагогу Донец-Тэссэйр. После окончания сразу дебют в Киевском театре имени Шевченко — партия Виолетты в «Травнате». Партия десять раз выучена наизусть, но вечером, накануне спектакля, она идет к педагогу, и всю ночь напролет они поют всю оперу, отработывая каждую деталь.

Многие будут удивляться бесконечной требовательности Евгении Семеновны к себе. А она трудится самозабвенно и целеустремленно. Она считает, что обладать прекрасным голосом — это еще не все. Певец на оперной сцене должен быть и актером. Она настойчиво учится у драматических актеров, постигает пластику балетных образов.

Опера «Лакмэ»... Режиссер считает, что образ создан, а актриса отвечает — нет, нет, нет! Не может Лакмэ пройти или пробежать так, как Виолетта или ее Розина «Севильского цирюльника». Она делает это, конечно, по-другому. Актриса смотрит десятки индийских фильмов — в танцах народа его душа. Отрабатывает движение рук — статику тела, и только когда все это было по крупницам собрано, Евгения Семеновна решила — теперь можно выходить на сцену. Требовательность, требовательность к себе и образу — таков девиз актрисы.

После премьеры «Лакмэ» в театре шутили:

— Говорят, ты специально летала в Индию, чтобы там сыграть Лакмэ.

А она грустила, идя по улицам — собираешь по крохам, а выплескиваешь все в один вечер. И остаешься такой опустошенной. Одно утешение, что отдаешь все это людям. В этом, наверное, трудное счастье каждого настоящего актера, в этом его щедрость.

СТОЛИЦА Казахстана встречает ее ослепительным сиянием снежных вершин и ярким солнцем. Почему она думала, что это незнакомые места, — вон, среди встречающих, такое близкое и родное лицо Бибигуль Тулегеновой. Совсем незнакомая женщина обнимает ее и, переполненная чувством радостной встречи, говорит:

— Родные, мы так ждали вас. И тогда, высоко подняв букет, она говорит, обращаясь к встречающим.

— Дорогие друзья, сердце мое отдано вам!

Это были дни необыкновенных встреч. И прощаясь вчера после своего сольного концерта, благодаря своих старых и новых друзей народная артистка Советского Союза Евгения Семеновна Мирошниченко сказала:

— Я обязательно приеду на гастроли в ваш прекрасный город. Мне хочется побывать и у хлеборобов Целинограда, и у шахтеров Караганды, мне хочется петь для тракторостроителей Павлодара и металлургов Усть-Каменогорска. Нельзя считать себя современным великой эпохи, не побывав в Казахстане.

Н. БАБОШИН.

